

ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 726

Е. Н. Чупрова

Современный деревянный православный храм Коми края в контексте культуры

В статье на материале Коми края исследуются отдельные вопросы, касающиеся семантики, стилистики современного деревянного православного храма, его роли в формировании архитектурного облика города; влияния трансформации универсальных категорий культуры на организацию пространства жизнедеятельности общества, включающего материальные структуры.

Ключевые слова: православный храм, деревянный храм, современная культура, современная городская среда.

E. N. Chuprova. Wooden Orthodox church of the Komi of edge in the context of modern culture.

In the report the circle of the problems interfaced to judgment of a role of an Orthodox church in formation of a modern urban environment, description of an architectural image of wooden church in an urbanistic landscape, stylistics of the church building of a boundary of the XX—XXI centuries is designated.

Keywords: orthodox church, modern culture, modern urban environment.

В последние годы XX столетия в среде ученых и практиков появилась насущная необходимость критического осмысления, глубинного анализа, сверки с богословскими основами того, что было сотворено за период, когда запрет на возведение новых православных культовых зданий был снят, а скорость реализации строительных проектов не позволяла перейти на рефлексивный уровень. Стилистика церковного здания конца XX — начала XXI века полемична. Часть проектов, органично вписываясь в урбанистический ландшафт, не мыслит форм православного храма в отрыве от современной архитектуры. Часть проектов включается в градостроительную ситуацию по принципу контраста иконографических мотивов предшествующих и настоящего периодов развития отечественной архитектуры, по-новому раскрывая таким образом тему Неба на земле. Остро стоит вопрос о роли православного храма в формировании гармоничной среды современного города.

Изменение универсальных категорий культуры в XX столетии детерминировало трансформации структуры пространства жизнедеятельности общества [6, с. 488]. «Функционалистический и псевдо-экономгеографический подход» [16, с. 9] при проектировании архитектурного образа целого ряда городов, лесных, рабочих поселков и иных населенных пунктов Коми края минимизировал пространственно оформленную культурную компоненту. Специфика планировочного каркаса определена монопрофильностью производства: город, лесной или рабочий поселок и т. д. как «необходимый придаток» градообразующего предприятия. Однообразие планировочно-композиционных приемов, сдержанное колористическое решение обедняют как жилые районы, так и центральную общественную зону. Культовые здания по идеологическим соображениям в проекты не включены. Вертикальными доминантами выступают высотные элементы промышленных узлов; смысловыми — административные здания и «дворцы культуры». Таковы «овеществленные идеальные представления общества о жизнеустройстве» [6, с. 7] второй половины XX века. В современных условиях «градорегулирования в режиме запаздывания» [19, с. 319] храмовые комплексы этих городов проектируются и реализуются как «специальные ориентиры» и «существенные составляющие районных центров» [1, с. 440—441], вписываясь в сложившуюся структуру городских кварталов и компо-

зиционно не объединяясь в сеть взаимосвязанных объектов. Дерево как строительный материал, иконографические мотивы древнерусской культуры, возможно в интерпретации эклектики, позволяют на основе противопоставления и сопоставления раскрывать тему Неба на земле.

Факт обращения к строительному материалу — дереву — на фоне бетонной и кирпичной застройки (экономические факторы в данном случае не рассматриваются) свидетельствует о «неотмирности» храма и противопоставляет его секуляризованному и комфортному миру современных высотных зданий [1, с. 461]. Интересно рассмотреть случаи (церковь во имя Преображения Господня, г. Сыктывкар) строительной практики, когда деревянный сруб не выполняет функциональной нагрузки и, таким образом, не является структурной единицей — «клетью», поскольку каркас выполнен из металлических конструкций. В иных случаях срубы из «неэстетичного» бруса¹ облицованы, что соответствует распространенной современной строительной практике «сайдинг». До XIX столетия подавляющее большинство церквей и часовен края были деревянными [11, с. 94], и это не служило основой для создания противопоставления между идеями Дома Бога и дома человека, поскольку массив жилой застройки был выполнен также в дереве и не претендовал на доминирование по высоте. Тенденция послереволюционного коренного преобразования облика старого города, отрицающая культурно-историческую ценность строительной практики предшествующих периодов развития архитектурной ткани города², получила подкрепление в потребительском отношении, в том числе к наследию прошлого [13, с. 22]. «XX век — первый век, когда человечество пытается устроить свою жизнь без веры, опоры или оглядки на Него» [2, с. 29], укрепляя «веру исключительно в собственные силы человека как единственно реальные» [2, с. 29]. В. В. Бычков характеризует данное явление как глобальное для творческой и интеллектуальной элиты.

Несколько иная ситуация в городах с активно развивающейся инфраструктурой и новой застройкой. Рубеж веков выявил тенденцию

---

¹ В качестве примера можно привести храм Покрова Пресвятой Богородицы (г. Сыктывкар) и иные.

² Такая ситуация характерна для многих провинциальных городов России [17, с. 127].

визуального равенства (такой тренд наметился со второй половины XX столетия) и преобладания массива жилой и офисной застройки над уникальными зданиями, в том числе церквями. Средства архитектурной выразительности жилых и офисных зданий рубежа XX—XXI веков более активны, в массе воспринимаются менее однородно, проявляя высокие конкурентные свойства в решении градостроительных задач и претендуя на выделение из окружающего контекста. В ряде случаев «новостройки» претендуют на уникальность по уровню развития инфраструктуры и метафоричности замысла (жилые комплексы «Петергоф», «Лондон», «Графика», «Тиман», «Русская роща» [10] и иные) как «некоего словесно выраженного конструкта, фиксирующего смещение концепта» [4, с. 308]. В такой ситуации наблюдения А. В. Иконникова по поводу скульптурно-пластического восприятия отдельно стоящих зданий в пространственно-планировочной структуре средневековых славянских поселений¹, когда главные художественные эффекты сосредоточены на пластической разработке обособленных объемов и телесности восприятия масс, с определенной долей условности могут быть экстраполированы и на современную строительную культуру. Избыточное использование отражающих поверхностей выступает в качестве визуализированной интерпретации образа Небесного Иерусалима [5, с. 303], а повышенная высотность зданий на фоне неразвитой промышленной инфраструктуры (монопрофильность) и неблагоприятной демографической ситуации отсылает к архетипу Вавилонской башни. Таким образом маркеры секуляризованной градостроительной культуры презентуют себя не только как важный элемент современного городского ландшафта, но и как попытку создания «рая на земле».

В числе композиционных приемов, позволяющих эффективно выявить роль современного деревянного храма в массиве высотной городской застройки, указывают островное положение и прилегающие незастроенные пространства на фоне однородности прочих сооружений [1, с. 447]. В качестве примеров можно привести ансамбль зданий Свято-Преображенского прихода (г. Сыктывкар), церковь во имя Иверской иконы Божией Матери (г. Воркута). Ансамбль Свято-

---

¹ «Здания, свободно стоявшие в пространстве, воспринимались как скульптуры» [7, с. 38—39].

Преображенского прихода возведен в ключевой точке планировочного каркаса района и в непосредственном соседстве с больничным комплексом. В планировочном решении заложено такое восприятие ансамбля, которое позволяет визуально дистанцировать храмовые здания от прочих и выявить их как важный градостроительный элемент. При движении по транспортным артериям в результате перспективных сокращений создается эффект высотного преобладания церкви во имя Преображения Господня над соседствующими жилыми многоэтажными зданиями.

В отдельных случаях высокая плотность застройки приводит к сокращению расстояния между храмовым комплексом и соседствующими массивами, происходит изоляция храма. Например, храм Смоленской иконы Божией Матери (г. Сыктывкар), замкнутый кольцом высотных зданий, иллюстрирует сложные архитектурно-пространственные отношения различных типов зданий в современной городской среде, отражает происшедшие в XX столетии ментальные сдвиги, сопровождавшиеся разрывами с традициями, сменой ценностных парадигм [18, с. 385].

Методологические опыты выявления опосредованной зависимости форм архитектуры от определенного «духовного состояния», «умственной привычки», «принципа, который регулирует действие» (Э. Панофский), позволяют говорить не только о параллелизме отдельных явлений культуры, не только об индивидуальных влияниях, но и об «истинных причинно-следственных отношениях, возникающих в результате распространения определенной идеи, а не прямого ее воздействия» [12]. В научный лексикон вводится термин «умозрение в камне» [3, с. 36].

Обобщение разработанных ранее в истории архитектуры приемов изобразительного языка детерминирует возникновение «говорящей пластической формулы» [9, с. 74]. Формула как «комбинация, или синтез, ряда специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм и архетипов» [8] доступна для интерпретации не обремененного специальными знаниями сознания, не требует сложного и неоднозначного анализа, предполагает подтверждение ожиданий на основе личного опыта. Говорящая пластическая формула современного деревянного храма с доступным для неискушенного зрителя набором элементов соотносится с обили-

ем богословской литературы по «азам православия» и ретроспективным направлением современной отечественной теологии (об остальных направлениях разговор не в данном контексте). Теологические постулаты «трезвения», «бдения» и иные не позволяют вслед за авторами теории формульности в литературе (Дж. Кавелти) и изобразительном искусстве (О. Кривцун) говорить об уходе от насущных проблем и своего психологического состояния в мир вымысла. При этом искусствоведческий, культурологический анализ форм храмовой архитектуры, а равно и живописи, свидетельствует о глубоком резонансе художественного образа с ментальными процессами [9, с. 52]. Исследователи отмечают избыточность, одновременность, simultaneity элементов художественного языка [9, с. 61] на фоне гибкости восприятия. Опыт взаимодействия с артефактами новейшего искусства, характеризующегося поисками «новой выразительности» (О. Кривцун) с опорой на парадоксальные связи, не прямые логические ходы, смещения, совмещения разнородных принципов, приемов, образов, позволяет «проигрывать новые модели сущего и его связей, по-новому оценивать роль детали, фрагмента», «соединять ранее несоединимое в своем сознании» [9, с. 61] за счет преобразования мыслительной структуры человека, ориентированной на видение ацентричного мира, переживание внутреннего конфликта [9, с. 66].

Стилистика воздвигнутых в конце XX — начале XXI столетия деревянных церквей обнаруживают ряд характерных особенностей. Так, распространенным стал план деревянных церквей в форме креста с квадратом в основе: храмов Святого Благоверного Князя Игоря (г. Воркута); Иверской иконы Божией Матери (г. Воркута); преподобного Серафима Саровского (г. Сосногорск); Преображения Господня (г. Сыктывкар) и иных. «Синтез техники и искусства, невозможный на уровне индустриальной цивилизации, открыл путь к содержательной, «говорящей» форме на уровне организации структуры» [6, с. 499]. Современные эстетические принципы, строительные и инженерные технологии исключают из художественного образа деревянной церкви подклет. В отдельных случаях роль подклета выполняет высокий фундамент (здание воскресной школы Преображенского прихода, г. Сыктывкар).

В ряде случаев (храм Святого Благоверного Князя Игоря — пос. Северный, г. Воркута; церковь Иверской иконы Божией Матери —

г. Воркута и иные) обнаруживается сознательное стремление к сокращению разрыва в стилистике церковных зданий и жилой застройки: обоим типам зданий свойственна определенная «сухость» форм (как результат взаимодействия современной ментальности и автоматизированного производства), лаконизм, соответствие внутренней конструкции внешнему строению и декору. Важно отметить отсутствие прямых цитат из храмовой архитектуры предшествующих периодов.

В качестве прототипа характера интерьеров современных храмов выступают традиционные образцы. При этом выявляется тенденция максимизации целостного прочтения внутреннего пространства — «зальный характер» [18, с. 416] — за счет применения современных инженерных технологий и строительных средств, благодаря которым во многом утрачена функциональная нагрузка бревенчатого сруба как несущей конструкции. «Совершенство методов расчета и использование высокопрочных эффективных материалов позволило внести невиданную легкость и свободу формообразования в конструкции с большими пролетами» [6, с. 499].

П. А. Флоренский, рассматривая храмовое действо в качестве синтеза искусств, приходит к выводу о том, что стиль как единство всех средств выражения может позволить сочетать разностилие эпох: «В храме, говоря принципиально, все сплетается со всем» [15].

«Церковь всегда боролась не за художественное качество своего искусства, а за его подлинность, не за его красоту, а за его правду», — отмечает исследователь богословия иконы Православной Церкви Л. А. Успенский [14, с. 10]. По мысли Л. А. Успенского, именно провинциальные области наряду с монастырями сохраняют «традиционно православное» искусство, воспринимая его как противодействие инославия и проявление национального духа, в то время как крупные художественные центры подпадают под влияние западной культуры [14, с. 234].

Таким образом, архитекторы при проектировании и возведении современного православного храма решают ряд актуальных задач: степень «осовременивания»/ориентация на устоявшиеся образцы (как остановка в развитии формообразования либо органичное развитие выразительных средств в рамках традиции); органичность/технизм (как главенство инструментально-механического нача-

ла); гармоничность и ясность/хаос, антигуманизм и децентрация. Современная практика формирования внешнего вида храмов позволяет исследователю констатировать спектр различающихся по своей направленности решений. Наиболее продуктивные результаты дают поиски иконографии и тектоники современного православного храма в рамках «использования традиционных архитектурных типов и иконографических мотивов на основе тектоники стены» [18, с. 411]. Продуктивное решение объемно-пространственной структуры современного храма базируется на традиционном понимании композиции: динамика, баланс, взаимосвязанность отдельных форм в сочетании с композиционными и сакральными доминантами выявляют ясную иерархию объемов и пространств.

* * *

1. Антонова Н. Е. Храмы в новых жилых районах конца XX — начала XXI в. // *Архитектура русского православного храма / под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова*. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 439—474.

2. Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог: Разговор Первый об эстетике, современном искусстве и кризисе культуры / *Рос. акад. наук, Ин-т философии*. М.: ИФРАН, 2007. С. 29.

3. Вятчанина Т. Н. Исихазм и раннемосковское зодчество // *Архитектура в истории русской культуры*. Вып. 3: Желаемое и действительное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 35—48.

4. Добрицына И. А. Архитектурная метафора: замысел и реальность // Там же. С. 308—316.

5. Железняк, О. Е. Город и цвет: идеальное представление и воплощение «картины мира» // Там же. С. 301—307.

6. Иконников А. В. Архитектура XX в.: утопии и реальность : в 2 т. / под ред. А. Д. Кудрявцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2002. Т. II. С. 488.

7. Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры: развитие традиций. М.: Искусство, 1990. С. 38—39.

8. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 33—64. URL: <http://littera.websib.ru/volsky/1267> (дата обращения: 19.01.2015).

9. Кривцун Олег. Новые языки искусства: антропные смыслы // *Искусствознание*. 2014. № 1—2. С. 51—91. С. 74.

10. Новостройки Сыктывкара // Группа компаний КС-Альфа. URL: <http://ksalfa.ru/projects> (дата обращения: 03.07.2016).

11. Павлюшин С. Е., Крутиков А. В. Храмы Коми края // Историко-культурный атлас Республики Коми / научн. рук. и сост. Э. А. Савельева. М.: Дрофа: ДиК, 1997. С. 94—95.

12. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/panofsky1.htm> (дата обращения: 13.07.2016).

13. Поздеева Е. Освещение проблем охраны памятников архитектуры в Интернете // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков: проблемы реставрации и охраны наследия / под ред. А. С. Щенкова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 18—31.

14. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: Даръ, 2007. С. 10.

15. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств. URL: <http://teologia.ru/www/biblioteka/estetika/hram.htm> (дата обращения: 09.09.2010).

16. Хайт В. Л. Архитектурно-градостроительный идеал — его развитие и изменение // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3: Желанное и действительное. М.: Эдиториал УРПС, 2001. С. 6—13.

17. Царёв В. И. Проблемы сохранения историко-архитектурной среды в городах Сибири // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков: проблемы реставрации и охраны наследия / под ред. А. С. Щенкова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 126—142.

18. Щенков А. С. Общекультурная ситуация и некоторые черты церковного сознания в конце XX века // Архитектура русского православного храма / под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 385—394.

19. Эпштейн А. С. Градорегулирование в режиме упреждения // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3: Желанное и действительное. М.: Эдиториал УРПС, 2001. С. 317—319.